Текст · 6 ноября 2026, 09:03
Иван Боганцев,

«Меня выводили на расстрел три дня подряд». История иорданского врача, который провел шесть лет в тюрьмах ДНР

Иорданец Хальдун Харахшех приехал в Донецк в середине 2000-х учиться на врача. К тому времени как он окончил университет, город захватили сепаратисты, и ординатуру он проходил уже в Краматорске. Но Харахшех продолжал бывать в Донецке — и в 2018 году оказался задержан местными силовиками. Сначала его обвинили в «измене родине», а потом, убедившись, что он иностранец, — в «шпионаже». В интервью «Медиазоне» он рассказал, как его пытали в печально известной тюрьме «Изоляция», как его бросила на произвол судьбы родная страна и игнорировала адвокатка по назначению — и как в итоге ему удалось оказаться на свободе.

«Новая власть — это были грабители, скажем так». Учеба в Донецке и Краматорске

Я приехал в Донецк в 2007 году. Там учился мой двоюродный брат, он все время поднимал эту тему. Я подумал, подумал, а потом тоже решил поехать учиться [в Донецкий государственный медицинский университет]. Там тогда было много иорданцев, может быть, больше тысячи. Но поначалу я все равно совсем не понимал, где я и куда попал.

Русского языка я совсем не знал. Английский у меня нормальный был, пытался на нем говорить, но там народ не очень на английском разговаривал в то время. Поэтому в университете первые месяцы мы только учили язык. Потом пошли медицинские предметы, но в целом первый год был полностью подготовительный.

Помню, что сразу не понравилась зима, потому что она была очень холодная. Непривычно для человека, который приехал из восточных стран. Первый год было очень некомфортно. Потому что мы не знали, что нужно носить и как. Вот эти подштанники, допустим, мы никогда их не надевали, даже не знали, что это такое. Со временем привыкли, но первый год ходили даже без шапок на голове.

Из еды, конечно, запомнился борщ. Мы сразу его попробовали, в первый же день. А лично у меня была проблема с выбором мяса, потому что у вас мясо — говядина, свинина — все смешано. Когда я прилетел, в Украине уже часто начали использовать украинские слова вместо русских. Иногда русские слова, иногда украинские. Поэтому когда читаешь, допустим, «яловичина»[1] — думаешь: это не свинина

или все-таки свинина? Бывало, я покупал мясо и потом его выбрасывал.

Учился я хорошо. Русский язык, наверное, за четыре месяца выучил, а потом стал постепенно осваивать предметы. Мой специалитет заканчивался в 2014 году, и как раз 28 мая я получил свой диплом. Церемонии никакой не было, потому что уже началась война. Нам раздали дипломы и сказали: «До свидания, уезжайте!» А я решил, что мне надо учиться дальше и поступить

в клиническую ординатуру. Тогда никто не думал, что война будет продолжаться так долго. Все думали: месяц, два, три — максимум, все потом закончится.

В ближайших к Донецку городах, подконтрольных Украине, жизнь была абсолютно нормальной. Плохо было, во-первых, на линии фронта, а во-вторых, в самом Донецке. Новая власть, которая пришла, — это были грабители, скажем так. Я один из людей, которые от этого пострадали, я потерял свою машину. И машины забирали у моих друзей тоже.

Если помните, [Игорь] Стрелков сначала был в Славянске, а потом вернулся в Донецк. Они там все начали маршировать на площади — показывали, какие они крутые. А это их из Славянска выгнали просто.

В тот день, когда они вошли в Донецк, они начали буквально все громить. Я своими глазами видел, как они вырывали железные двери в банке, банкоматы — отжали все, что там было внутри. Они грабили рестораны, кафешки. Я даже видел, как грабили аптеку. Забрали все, что там было: лекарства, инструменты, все прочее. А еще забирали машины иностранных студентов.

Студенты жили в общежитиях, а машины были припаркованы рядом. Эти… я забыл слово… Ополченцы! Приехали, выгнали всех студентов, сами заселились в эти общежития. И взяли все, что им принадлежало, и машины тоже, которые там стояли. [Пришли] какие-то люди с автоматом: «Дай ключи и техпаспорт. Если сопротивляешься, тогда будет по-другому».

В общем, в конце августа я слетал на родину и в октябре уже снова вернулся. Университет к тому времени перевезли в Краматорск, который оставался на территории, подконтрольной Украине. У меня были сложности с деньгами, ведь иностранцам надо было оплачивать обучение, поэтому я взял академический отпуск, поработал год в местной больнице, а потом снова пошел учиться.

Но у меня очень много друзей осталось в Донецке: и арабы, и украинцы. А еще у меня там была девушка. И бабушка, у которой я до этого снимал квартиру. У меня были с ней хорошие отношения, и я часто к ней приезжал.

Про задержания и пытки при этом ничего не было известно. Если бы я хотя бы раз услышал об этом, я бы туда не вернулся. Но тогда не было никаких новостей. А может, и было, но я тогда новостей не смотрел и не очень этим интересовался.

Сначала с этим не было никаких проблем, я ездил буквально раз в неделю на выходные. Донецк же рядом совсем. И получается, пограничники со стороны Украины и со стороны дээнэровцев тоже меня хорошо знали.

До 2017 года абсолютно никаких вопросов не было. Но вот в одну из последних поездок, в октябре 2017-го, на обратном пути первый раз потребовали иорданский паспорт. Сфотографировали его на телефоны. Это было странно, потому что обычно смотрели вид на жительство и пропускали. Но я не обратил на это внимания. Потом улетел к себе домой. И когда после Нового года вернулся, решил съездить в Донецк с подарками. Это было 23 февраля 2018 года.

«Подключали провода к пальцам ног и пускали электричество». Задержание и пытки

Я поехал в Донецк, прошел украинский блокпост. На таможне ДНР сначала сказали, что должны пообщаться. Обычные вопросы. Как зовут? Откуда приехал? За счет чего живешь? А потом сказали: «Должны приехать два человека, тебя забрать, тоже хотят поговорить». Приехали двое на машине, как сейчас помню, «Рено Логан». Посадили меня на заднее сиденье, один из них сел рядом, сразу надел наручники и пластиковый пакет на голову. И говорят: «Ты торгуешь наркотиками». Какими наркотиками? Я в жизни всей даже не видел наркотики.

Я неплохо их помню. Один был с бородой, звали его, по-моему, Сережа. Я их видел в первый день

задержания, потом в течение первых двух лет — и уже в момент, когда меня отпускали, через шесть лет. Они все это время там проработали сначала эмгэбэшниками, потом эфэсбэшниками. Но я думаю, изначально они были не из местных. Потому что, когда меня в первый день везли в «Изоляцию», они все время звонили по телефону и узнавали, как туда проехать. То есть они просто не знали, где она находится.

Но сначала меня повезли в место, которое они называли «контора». Контора — это бывшее здание СБУ посреди Донецка, которое они переоборудовали под свои цели. И как только мы туда зашли, начали бить — по почкам, по голове. Я бы не сказал, что сильно били. Сначала просто хотели, наверное, напугать. Но я даже не знал, что мне сказать. Они говорят: «С кем ты работаешь?» А я ни с кем не работаю.

Я честно скажу, что вот до сих пор — сколько лет прошло! — я даже не понимаю, зачем это все произошло. Но эмгэбэшники эти, они мне сказали: «Тебя твои сдали». «Какие мои?» — «Твои, эсбэушники».

Потом их босс говорит: «Ведите его вниз, а потом верните обратно». Мы пошли куда-то вниз по лестнице, и там уже стали подключать провода. Подключали к пальцам ног и пускали электричество. Я говорю: «Вы скажите, что вы от меня хотите? Я во всем признаюсь». А они мне: «Нет, ты сам обо всем расскажешь».

Не знаю, сколько они крутили. Под конец мое состояние было очень плохое. А потом мы отправились обратно вверх, и мне сказали: «Знаешь, какая у тебя статья? Измена родине. Везите его в "санаторий"». Так я попал в «Изоляцию».

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

«Думаешь: "Это какой-то африканец?" А это его пытали электричеством, у него в се тело черное». Полгода в «Изоляции»

На первые несколько дней, до понедельника, меня кинули в карцер, один метр на полтора. Что это такое? Там только матрац лежит вонючий, решетки, и все, больше ничего. Бутылка с водой, чтобы попить, и бутылка в туалет сходить. Потом месяца полтора меня держали в одиночке, я не видел никого из других заключенных. Только человека, который приносит покушать. Еще один раз в день выводят в туалет. И раз в неделю у тебя две минуты, чтобы искупаться.

Иногда приходил следователь, его фамилия была Лозинский[2]. Я так понимаю, он тоже изначально

был при Украине, а потом переобулся, стал сначала эмгэбэшником, потом эфэсбэшником… Через шесть лет он меня и освободил. А тогда он иногда вызывал, просил что-то подписать. Иногда просто белые бумажки, иногда там что-то было написано. Я до сих пор не знаю что.

И вот он в какой-то момент говорит, что «измена родине» мне не подходит, ведь у меня не было ни российского, ни украинского гражданства. Теперь будет «шпионаж». Это самая распространенная статья у них. А через две недели меня и вовсе объединили с другими заключенными — по-моему, пять или шесть человек — в террористическую группу и обвинили в подготовке покушения на Басурина[3].

Лозинский сказал, что нужно снять видео с признательными показаниями. Я сначала сопротивлялся, не хотел снимать, поэтому пытали хорошо. Первые несколько дней в «Изоляции» тоже хорошо так пытали — и потом снова, перед тем как снимать это видео.

Ну как пытали? Как обычно. Пытают только электричеством. Сначала подключают на пальцы, потом на уши, потом на половые органы — и начинают крутить[4]. Это распространенный метод.

Все, кто в «Изоляции» был, я уверен, проходили через пытки электричеством.

Еще выводили на расстрел. Нас куда-то увезли и сначала сказали, что решили дать нам 20 лет. Потом вдруг сказали: пожизненно. А потом заменили на расстрел. Меня выводили три дня подряд. В первый день нас было трое, помню, я был посередине, один человек слева, другой справа. Глаза у меня были завязаны. Я услышал выстрел, и человек рядом упал. Я думаю, что он умер. Я не знаю. Я не слышал ни крика, ничего от него абсолютно. Просто [было слышно], что упал человек, и сразу нас вернули. Сказали: «Все, на сегодня хватит».

На следующий день то же самое, но только вдвоем. Стреляли, получается, над головой. А потом сказали: «Давайте оставим на завтра». И на третий день сделали то же самое, но в конце сказали: «Живите».

Видео на ouTube

ouTube

Опрос подозреваемого в шпионаже гражданина Иордании

@МГБ ДНР

https://www.youtube.com/watch?v=sBq1c2dKATg

[Сделанную после пыток] запись и сегодня, наверное, можно найти в интернете. Ее показывали и по местному телевидению, и по российскому. Когда меня показали, то все охранники и надзиратели спрашивали: «Ты хоть знаешь, как выглядит этот Басурин?» Я говорю: «Нет, не знаю». Они смеются — сами не верили в мои обвинения.

А следователь мне честно сказал: «Если будет скандал и кто-нибудь про тебя напишет, попытается вытащить, то это может помочь». Он говорил, что

они сами отправили кучу электронной почты, в Министерство иностранных дел Иордании и так далее. Но никто им не ответил. Моя страна? Я скажу точно, что она не сделала абсолютно ничего.

В «Изоляции» я провел еще четыре месяца. В общей сложности шесть. Сначала меня перевели в камеру с тремя другими «шпионами», потом в подвал. Это такая длинная и очень холодная камера, куда отправляли «на воспитание» и где в любой момент сидело от 12 до 20 человек. В камерах были в основном украинские заключенные, преимущественно по шпионским статьям. Были и мои «подельники»: Москаленко Серега, Протасов Сергей и Еремин — у него только фамилию помню. Но у них потом уже были отдельные дела.

Но были и дээнэровцы, которые что-то не поделили со своими. Помню одного: кличка — Оленевод, он называл себя эфэсбэшником. У него были какие-то разборки со своими же, и они его посадили. Три раза он пытался бежать, и на третий раз у него получилось. Молодец!

Мы бы и сами могли, вполне. Нам иногда предлагали пойти на работу. Я согласился, чтобы хотя бы солнце увидеть после стольких недель в одиночке. Сначала возили куда-то на полигон, километр или полтора от линии фронта, копать траншеи, что-то таскать. А потом вывозить перестали и начали просто выпускать на территорию «Изоляции», что-то подметать, убирать.

Однажды, я помню, дали огромный склад бисквита с шоколадом, и надо было целый день разворачивать

обертку и кидать этот бисквит в грузовик. Они его в леса возили кормить каких-то свиней. И вот на этой работе за нами почти никто не присматривал. Так, один автоматчик сидит, чай пьет, а мы как бы работаем. Можно было просто через забор перепрыгнуть и убежать.

Но мы были все трусливые немножко. И потом, сбежишь — а дальше куда?

Был там один человек по кличке Палыч[5], фамилии я его не знаю. Один из тех, кто пытал там людей. По-моему, его задержали в Украине. Недавно я читал новости про него. Когда меня привезли туда, он уже не пытал, как раньше. Ребята рассказывали, что раньше, бывало, в 10:00 отбой, открывается дверь, выбирают кого-то, увозят и начинают бить. Короче, тренируются на нем.

Они знали, что я врач, и один раз привезли мне человека — я так понимаю, что он украинец был. Я помню его до сих пор. Такого черного цвета. Смотришь на него, думаешь: «Это какой-то африканец?» А это его пытали электричеством, у него все тело черное. Мне его привезли, сказали: «Ты, как врач, должен его вылечить. Не вылечишь — тебе...» Я с ним пытался туда-сюда, долго с ним пытался, наверное, часа три или четыре. У него раны, у него ожоги были по всему телу. Потом его увезли, а меня вернули в камеру. Не знаю, что с ним случилось.

В какой-то момент меня перевели из подвала на первый этаж. И в соседней комнате были женщины. И всегда, особенно вечером, мы слышали, как

насиловали — или пытались изнасиловать, я не знаю. Крики, плач — это все я слышал своими ушами.

И одной из этих женщин была моя девушка. Скорее всего, она там была из-за меня, потому что ее взяли после того, как взяли меня. Ее продержали там месяц, но потом отпустили. Я так понял, что из-за ее маленькой дочки. Она как-то упоминала, что один из них так и сказал: «Если бы не твоя дочка, мы бы тебя не отпустили».

Я не знаю, что с ней там делали. Мы с ней до сих пор на связи, дружим уже просто. Но об этом она не хочет говорить. Я так понимаю, что нехорошо, конечно, было.

«На суде прокурор требует 10 лет тюрьмы, а адвокат — 13 или 14». К олония в Макеевке

1 августа 2018 года меня перевезли в Макеевку, в колонию, которая при Украине была 97-я, а когда пришла Россия, стала тюрьмой № 3. У нас был отдельный корпус для политзаключенных. Никто не заходит, никто не уходит оттуда. Там уже не было пыток, издевательств, там в основном всех готовили к обмену.

Там я просидел пять с половиной лет, сменив четыре камеры. В каждой сидело по четыре человека. Те же самые люди, [что в «Изоляции»,] но с моими подельниками нас уже разделили. Люди были разные. Помню, был один человек, фамилия — Манекин[6], какой-то писатель. Сам он украинец, но жил в России,

в Москве. Он был совершенно не против России, а именно против властей ДНР, которые всех грабили. Он постоянно читал нам какие-то лекции, рассказы и очень был пророссийски настроен.

Еще сидел с нами один смешной, шестьдесят с чем-то лет ему было, мы его называли Красный. Потому что он был за Советский Союз и против Украины. Мы с ним даже дрались, я бы сказал, из-за этого. Потому что нас трое, мы как бы украинцы были, а он один пророссийский. Но сидел он с нами по статье «шпионаж» — против России в пользу Украины. Это смешно, конечно, глупость.

Пять с половиной лет — иногда так думаешь, что очень быстро, а иногда кажется, что о-о-о-очень медленно. Почему медленно? Потому что просто ничего не происходило. Бывало, что два года о тебе вообще не вспоминают, никуда не вызывают, просто тупо о тебе забыли. Особенно во время ковида так было. Просто забыли про нас. А потом, может быть, раз в полгода вызовут, да только чтобы ты какие-то документы подписал. Один или два раза было продление срока задержания.

Думал, может, какой-то язык новый выучу или что-нибудь такое. И много раз писал заявления, просьбы, чтобы они мне принесли какие-то книжки или медицинские журналы, допустим. Но всегда получал отказ.

В основном мы просто сидели без дела или телевизор смотрели — российские сериалы, новости. Книжки, которые там были, практически все прочитал, книжки, можно сказать, галимые. От них не

получаешь никакой пользы. Типа, «Шпион» — книжка про любовь, и такие фигни.

При этом со второго месяца в «Изоляции» у меня был адвокат. Шикарная такая женщина, Стреленко Алина Артуровна. Она была адвокатом почти всех ребят, которые там сидели, как завуч. Про нее рассказывали, что, бывало, на суде прокурор требует 10 лет тюрьмы, а она — 13 или 14! Представляете, твой адвокат. Требует больше, чем прокурор.

Меня тоже привели на продление, и судья спрашивает: «Что требует адвокат?» А адвокат говорит, что ничего не требует. Тогда я сам слово взял. Ведь у меня была книжечка с кодексом, и я ее прочел. Говорю: «По вашим же собственным законам вы не можете меня держать больше 18 месяцев без предъявления обвинений, а я уже 60 сижу. Отпустите хоть под подписку о невыезде». Но они придумали какую-то лазейку и не отпустили.

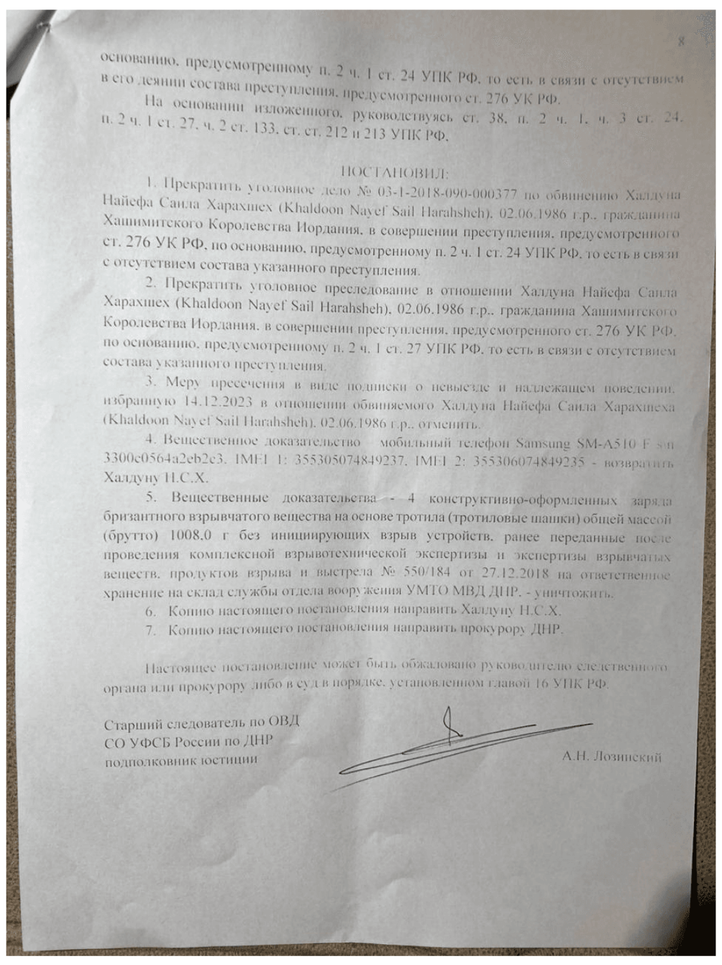
«Простой такой документ, что человек сидел шесть лет, а в итоге он невиновен». Донецк — Россия — Иордания

Все это было уже после [полномасштабного] вторжения. Вообще, у нас был телевизор в камере, мы знали, что происходит. И я скажу, что лучше стало после вторжения. Вот для нас, для заключенных, лучше стало, потому что нас начали чуть лучше кормить, чуть лучше относиться к нам даже. Мы чувствовали, что что-то меняется. Например, нам разрешили написать письма. Правда, за границу

писать было нельзя, но около 2023 года я написал Наташе — дочери хозяйки, у которой я жил раньше. Она позвонила моим родителям, которые пять лет после того видео ничего обо мне не знали. И стала носить передачки раз в месяц: вещи, покушать.

И вот, получается, в конце 2023-го, 14 декабря, вызывает меня следователь, все тот же Лозинский, и говорит: «Мне нужен человек в Донецке, который может тебя принимать». Я говорю: «Зачем?» Он говорит: «Хочу тебя отпустить». Потому что нарушили уже все нормы о времени задержания под стражей. У них уже выбора не было, стали эти высшие инстанции их проверять... как они называются... ФСИН! И людей стали отпускать: у кого-то истек срок давности, кого-то не осудили, кто-то уже отсидел даже больше, чем должен был после суда.

Я тогда подумал об этой женщине, Наташе, она мне в матери годится. И дал ее телефон. Следователь ей набрал, и она согласилась меня принять. Но следователю я сразу сказал: «А куда мне идти? Паспорт у меня просрочен, в моей стране меня сразу спросят, где я был». А он в этот момент... я бы сказал, уже очень хорошо ко мне относился. «Ладно, — сказал, — помогу тебе». Сделал мне кучу документов и бумагу, в которой написано, что человек этот невиновен. От ФСБ.

8

основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть в связи с отсутствием в его деянии состава преступления, предусмотренного ст. 276 УК РФ.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 38, п. 2 ч. 1, ч. 3 ст. 24, п. 2 ч. 1 ст. 27, ч. 2 ст. 133, ст. ст. 212 и 213 УПК РФ,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Прекратить уголовное дело № 03-1-2018-090-000377 по обвинению Халдуна Найефа Саила Харахшех (Khaldoon Nayef Sail Harahsheh), 02.06.1986 г.р., гражданина Хашимитского Королевства Иордания, в совершении преступления, предусмотренного ст. 276 УК РФ, по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть в связи с отсутствием состава указанного преступления.
2. Прекратить уголовное преследование в отношении Халдуна Найефа Саила Харахшех (Khaldoon Nayef Sail Harahsheh), 02.06.1986 г.р., гражданина Хашимитского Королевства Иордания, в совершении преступления, предусмотренного ст. 276 УК РФ, по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, то есть в связи с отсутствием состава указанного преступления.
3. Меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, избранную 14.12.2023 в отношении обвиняемого Халдуна Найефа Саила Харахшеха (Khaldoon Nayef Sail Harahsheh), 02.06.1986 г.р., отменить.
4. Вещественное доказательство – мобильный телефон Samsung SM-A510 F s/n 3300c0564a2eb2c3, IMEI 1: 355305074849237, IMEI 2: 355306074849235 - возвратить Халдуну Н.С.Х.
5. Вещественные доказательства - 4 конструктивно-оформленных заряда бризантного взрывчатого вещества на основе тротила (тротиловые шашки) общей массой (брутто) 1008,0 г без инициирующих взрыв устройств, ранее переданные после проведения комплексной взрывотехнической экспертизы и экспертизы взрывчатых веществ, продуктов взрыва и выстрела № 550/184 от 27.12.2018 на ответственное хранение на склад службы отдела вооружения УМТО МВД ДНР, - уничтожить.
6. Копию настоящего постановления направить Халдуну Н.С.Х.
7. Копию настоящего постановления направить прокурору ДНР.

Настоящее постановление может быть обжаловано руководителю следственного органа или прокурору либо в суд в порядке, установленном главой 16 УПК РФ.

Старший следователь по ОВД
СО УФСБ России по ДНР
подполковник юстиции А.Н. Лозинский

Постановление о прекращении дела против Хальдуна Харахшеха

Простой такой документ, что человек сидел шесть лет, а в итоге он невиновен. И ему никто ничего не сказал, ни прости, ничего такого.

После этого я просто сидел и ждал. Почти два месяца ждал. Потом он меня вызвал в начале февраля 2024-го, отдал паспорт, телефоны, документы — все сохранилось. И сказал: «До свидания».

Я стал думать, как уехать из Донецка. Решил, что сначала я поеду в Украину. Нам с Сергеем Протасовым, моим бывшим «подельником», сказали, что через Сумы есть пункт выезда, гуманитарный пропускной пункт. Надо было проехать через Донецкую, Луганскую область, Белгород, а потом перейти границу в сторону Сум. На границе Луганской и Белгородской области меня остановили эфэсбэшники и долго выясняли, кто я такой, спрашивали: «Ты как заехал в Россию?» Я говорю: «Я не заезжал в Россию ни разу. Россия сама заехала».

Они со мной целый день возились, но пропустили. А вот уже на границе с Украиной меня не пропустили. Протасов прошел, а мне сказали, что этот коридор

только для граждан Украины[7]. И я оказался в России без денег и документов.

До Москвы мне помогли добраться волонтеры, и там я поселился жить у одного из них. Очень ему благодарен — он мне стал как отец.

Мы с ним сразу поехали в посольство Иордании. Я думал, мне помогут, эвакуируют, но мне только сделали паспорт. Взяли за это $250, хотя должны были сделать бесплатно. И на этом все. Тогда волонтер, у которого я жил, взял этот паспорт и поехал с ним в аэропорт, где ему сказали, что если я появлюсь, меня не выпустят из страны и арестуют. И что надо делать транзитную визу. Еще несколько недель мы делали эту визу, и потом я первым рейсом улетел.

Сейчас я живу в Иордании, в доме вместе со своими родителями. Подтвердил все сертификаты, все мои документы учебные. И получил разрешение заниматься врачебным делом. Теперь я работаю в частной клинике, у меня, слава богу, все более или менее нормально. Пытаюсь догнать в медицине то, что я пропустил, найти способ закончить начатую клиническую ординатуру по специализации «урология». Потихоньку получается. А если иногда что-то не получается, то это жизнь, не все получается сразу.

Я знаю тех людей, которые со мной были [в заключении]. Мы на связи более или менее. Созваниваемся, общаемся. Кто-то из них в Украине, кто-то в Польше, кто-то в Германии. Но прошлое мы не вспоминаем. Просто узнаем, как у кого дела и что

нового. У них последствия очень серьезные до сих пор, в том числе психологические.

Но я такой человек, как бы так сказать, терпеливый очень, поэтому я бы не сказал, что этот опыт сильно повлиял на мою психику. Часто ли об этом вспоминаю? Нет, очень редко. Последнее время вообще не вспоминаю. Только когда разговариваю с кем-нибудь, вот как с вами. Поэтому некоторые вещи уже забываются, я упускаю их. Для меня это уже прошлое, и сейчас какие-то совсем другие вопросы надо решать.

Редактор: Мика Голубовский

---

1. «Говядина» по-украински.

2. Анатолий Лозинский — следователь МГБ ДНР. В конце октября 2026 года Национальная полиция Украины объявила ему подозрение в нарушении законов и обычаев войны. Он подозревается в многочисленных случаях выбивания показаний из задержанных и участии в пытках.

3. Эдуард Басурин — бывший предприниматель, военный деятель самопровозглашенной Донецкой Народной Республики. С января 2015 года — пресс-секретарь военного командования ДНР. В 2023 году был уволен. Вошел в федеральный список партии «Родина» на выборах в Госдуму 2026 года, однако в парламент не попал.

4. Очевидно, речь идет об использовании в пытках «тапика», военно-полевого телефона ТА-57.

5. Денис Куликовский по прозвищу Палыч, бывший главный комендант и надзиратель секретной тюрьмы «Изоляция» в Донецке, был задержан в Киеве 9 ноября 2021 года, три года спустя приговорен к 15 годам лишения свободы по обвинениям в жестоком обращении с военнопленными и гражданским населением в составе преступной группы (ч. 1 ст. 28, ч. 1 ст. 438 УК Украины), участии в террористической

организации (ч. 1 ст. 258-3) и незаконном военном формировании (ч. 1 ст. 260).

6. Бывший функционер ДНР Роман Манекин, критиковавший верхушку сепаратистов за коррупцию и кумовство, был задержан в сентябре 2017 года и отпущен два месяца спустя.

7. Сергей Протасов описывает этот эпизод в книге Дмитрия Дурнева «Дом на линии огня» и уточняет, что Харашеха не пустили российские пограничники.